

КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ XXI ВЕКА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ, ОЦЕНКАМ И ПОНИМАНИЮ

Р. В. Евстифеев

Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы,
Россия, 600017, Владимир, ул. Горького, 59а

В статье представлен обзор новейших вызовов стабильному политическому развитию, выделенных на основании современных исследований. Среди этих вызовов — наступление эпохи антропоцена, трансгуманизм, включающий масштабное развитие искусственного интеллекта, кризис групповых идентичностей. Быстрые и порой скачкообразные культурные изменения, происходившие в последние десятилетия, трансформации взаимоотношений между людьми, между человечеством и природой приводят к проявлению кризиса групповой идентичности — от локальных до национальных идентичностей. В результате анализа научных работ автор делает выводы о том, что в последние годы наблюдается масштабный рост публикаций о проблемах идентичностей, понятие «идентичность» активно входит в словарь политиков и публицистов. В статье выделены две точки зрения на идентичность: 1) идентичность основана на различиях и разногласиях, которые надо преодолевать; 2) разногласия следует поддерживать и сохранять. По мнению автора, ответом на вызов кризиса идентичностей может быть использование возможностей мягкого конструирования ценностей идентичности и социальной памяти в рамках специализированной политики, направленной на формирование спектра идентичностей, от локальных до национальной. Такой ответ — сложный и противоречивый процесс, связанный с обретением субъектности нации. Самоидентификация и обретение различных идентичностей, конструируемых доминирующими группами, ведут к осознанию субъектности разнообразных групп и к новым рискам и конфликтам в борьбе за ценности. Тем не менее признание кризисов идентичности в качестве актуального политического вызова, изучение и понимание возникающих конфликтов, поиски позитивных путей выхода из них позволяют совместить глобальную оптику с интересами национального государства, конкретного человека и небольших локальных групп.

Ключевые слова: антропоцен, искусственный интеллект, идентичность, группы, ценности, политика идентичности, политические движения.

В последние годы глобализация как явление, характеризующееся растущей зависимостью социально-политического и экономического развития современных государств от процессов, происходящих в мире в целом, стала все чаще рассматриваться в научной литературе и в публицистике как свод некоторых угроз, а не как набор определенных возможностей. По-видимому, период больших надежд, возлагаемых на глобализацию, оказался исторически краток, и ситуация довольно быстро вернулась к критическим оценкам и опасениям.

Одним из первых мировых лидеров, заявивших о глобальных мировых проблемах 30 лет назад, был Михаил Горбачев, на тот период руководитель СССР (Горбачев, 1988). Его книга имела явный публицистический и политически заостренный характер, однако в ней, наряду с работами международных общественных объединений, таких как Римский клуб, к концу XX в. начали формироваться общие подходы к пониманию важности выделения глобальных проблем и попыток мобилизации мирового сообщества для их решения.

В последние десятилетия XX и в первые годы XXI в. глобализация становится одной из главных детерминант социально-экономических и политических процессов, а тематика глобализации проникает в различные сферы научного знания, становится частью политической практики и управления. В результате утвердилось мнение, согласно которому, чтобы понять сущность происходящих в любой стране политических процессов и определить контуры политического будущего, уже недостаточно понимания только внутренних причин и движущих сил. Глобальные изменения и возникающие глобальные проблемы предъявляют новые требования к функционированию государства, взаимодействию государства и общества, к политической системе в целом.

В научной литературе термин «глобальные проблемы» часто употребляется как синоним терминов «глобальные угрозы» и «глобальные вызовы». Однако между ними есть определенные отличия: понятие «глобальные проблемы» имеет более широкое значение, тогда как «глобальные угрозы» и «глобальные вызовы» носят более узкий, конкретный характер, предполагающий, что угрозы и вызовы несут в себе опасность глобальных катастроф и кризисов. Кроме того, угроза представляет собой безусловную опасность, т. е. предусматривает негативное развитие ситуации, от которой надо защищаться, тогда как вызов предполагает определенный ответ, в зависимости от которого можно говорить о позитивном или негативном развитии ситуации.

Термин «вызов», а точнее, конструкцию «вызов-и-ответ» (*challenge-and-response*) предложил английский историк Арнольд Тойнби (Тойнби, 1991). Его методологическая позиция основывается на том, что история развивается через автономное формирование цивилизаций, понимаемых как непохожие и редко взаимодействующие друг с другом общества. Движущими силами изменений этих обществ являются не внутренние причины, а резкие изменения условий жизни, которые Тойнби и называет «вызовом». Иными словами, речь идет о вызове внешней среды как природного, так и политического характера. Общество, которое не может дать адекватного ответа на внешние перемены, не успевает перестроиться и изменить образ жизни и продолжает жить и действовать так, как будто вызова нет, как будто ничего не произошло, движется к пропасти и гибнет.

Подход, сформулированный в работе А. Тойнби, в различных интерпретациях стал широко применяться в социальных науках с середины XX в. в науке и в политической практике. Сегодня глобальные процессы часто рассматриваются как своего рода вызовы национальным государствам и мировому сообществу в целом. Вполне возможно, что одни вызовы имеют всеобщий характер, ставя перед большинством стран схожие задачи, а другие могут быть вызовами только для одной страны или для группы стран.

Глобальный вызов в таком понимании — это явление современного мира, затрагивающее интересы и судьбы всех стран и народов, приводящее к значительным рискам, а в случаях их обострения и реализации рисков — к глобальным проблемам, связанным с антропогенной и социальной деятельностью человека. В качестве примеров современных глобальных вызовов человечеству чаще всего называются: экологический кризис, международный терроризм, война, демографический рост на планете, разрыв в уровне экономического развития между развитыми странами Запада и развивающимися странами третьего мира, экоцид. Среди вызовов, появившихся в первые годы XXI в. и оказывающих влияние на мировые политические процессы, называют также: усиление роли государства, усиление межгосударственной конкуренции, превращение глобализации в глобализацию с «не западным лицом», превращение полярного мира в «бесполярный беспорядок» (*unpolar disorder*) (Евстифеев, 2011).

Ниже речь пойдет о самых новых вызовах, выделяемых современными авторами и влияющих на политическое развитие. Основываться мы будем на работах, вышедших главным образом в 2017–2018 гг.

Американский социолог Рональд Инглхарт в своей последней книге формулирует главную тенденцию современного мира как беспрецедентный экономический рост в экономически развитых странах после Второй мировой войны. Этот рост привел к возникновению государства всеобщего благосостояния, которое гарантировало, что почти никто не умрет от голода (Инглхарт, 2018).

Вместе с тем достигнутое благосостояние остается крайне неравномерным, а сдвиги в общественном сознании происходят с разной скоростью в разных обществах. Все это лежит в основе конфликтов и расколов в современном мире. Социологи фиксируют, что в последние годы происходит сдвиг от ценностей материализма к ценностям постматериализма, который, в свою очередь, стал частью еще более глобального сдвига от ценностей выживания к ценностям самовыражения. Культурный сдвиг принес масштабные социальные и политические изменения — от политики охраны окружающей среды до требований более высокого уровня гендерного равенства в различных сферах нашей жизни.

Культурные и ценностные изменения привели к институциональным изменениям. Так, страны с высоким уровнем ценностей самовыражения намного чаще являются настоящими демократиями, чем страны с низкой поддержкой этих ценностей. Кроме того, культурные изменения отражают перемены в стратегиях достижения счастья. В аграрных обществах с отсутствующим или слабым экономическим развитием и социальной мобильностью религия делает людей счастливее, снижая их ожидания от этой жизни и обещая, что они будут вознаграждены в жизни загробной. Однако модернизация приносит экономическое развитие, демократизацию и рост социальной толерантности, которые способствуют счастью, поскольку дают людям возможность выбирать жизненные стратегии.

По данным Инглхарта, с 1981 по 2011 г. уровень счастья вырос в 52 изученных им странах из 62, для которых были доступны временные ряды данных, а упал только в 10 из них; в течение того же периода удовлетворенность жизнью

выросла в 40 странах, а снизилась лишь в 19 (в трех не произошло значимых изменений). Переход от ценностей выживания к ценностям самовыражения, видимо, способствует повышению уровня счастья и удовлетворенности жизнью. В последние десятилетия глобализация перенаправляла огромные объемы капитала и технологий в другие части мира, принося с собой быстрый экономический рост, особенно в Восточной и Юго-Восточной Азии, а также в Индии.

Все эти изменения, происходящие на фоне и в результате беспрецедентного роста и развития науки и новых технологий, привели к масштабным трансформациям человечества в целом.

Изучение литературы позволяет выделить три наиболее значительных, долгосрочных и заметных тренда, которые являются крупнейшими вызовами всему человечеству, прежде всего политическому устройству современных государств:

- 1) наступление эпохи антропоцена, т.е. переход планеты Земля вместе с населяющим ее человечеством в новую геологическую эпоху;
- 2) трансгуманизм, включая возникновение на планете Земля новой формы разума, созданного человеком, — искусственного интеллекта;
- 3) кризис групповых идентичностей.

Первый вызов носит планетарный характер, второй касается биологических изменений человека и создания искусственного разума, третий основывается на изменяющихся и противоречивых ролях человека в современном обществе.

Антропоцен представляет собой новую геологическую эпоху, для которой характерно более глубокое воздействие человека на основные планетарные процессы. В отличие от предыдущей геологической эпохи, голоцена, в антропоцене человеческая деятельность начинает соперничать с геологическими силами, влияющими на траекторию развития планетарной системы, что имеет важные последствия как для науки о Земле, так и для системы принятия решений в обществе, включая сферу политического. Признавая, что различные государства оказывают неравномерное воздействие на земную систему и имеют различные возможности для изменения будущего, необходимо учитывать общую совокупность влияния человека на систему для анализа траектории развития планеты.

В августе 2018 г. группа исследователей опубликовала статью о перспективах развития планеты Земля в эпоху антропоцена (*Trajectories of the Earth System...*, 2018). С помощью системного подхода, ориентированного на выявление обратных связей, используя нелинейную динамику, авторы пришли к выводу, что система Земли уже может приближаться к планетарному порогу, после которого начнется неконтролируемое и довольно быстрое повышение температуры на всей планете. Это будет сопровождаться сильными внутренними биогеофизическими обратными связями, которые трудно изменить человеческими усилиями. Избежать пересечения этого порога, по мнению группы ученых, возможно, но для этого нужно поддерживать скоординированные, целенаправленные усилия человеческого общества, чтобы управлять нашими отношениями с планетой. Иными словами, необходим новый уровень международного со-

трудничества и кооперации, новые политические реалии и принципы политического устройства. Антропоцен как новая геологическая эпоха и как вызов современному политическому устройству носит планетарный характер, но ответы на него (пока довольно противоречивые) формируются в большей степени в рамках национальных государств. Достаточно упомянуть позицию американского президента Дональда Трампа, не признающего критического влияния человечества на био- и геосферу и не желающего видеть в этом угрозы собственной стране. Массовые протесты во Франции в ноябре — декабре 2018 г. также выявили, что даже в развитых государствах люди склонны не доверять выводам ученых и больше думать о собственном национальном благополучии, чем о судьбах Земли. Все эти тенденции говорят о нелегком пути к преодолению обозначенного вызова.

Второй вызов касается изменения самого человека, прежде всего появления на планете Земля новой формы разума, созданного человеком, — искусственного интеллекта. Так называемый трансгуманизм означает изменение биологических характеристик человека с помощью научных достижений. Речь уже идет и о значительном увеличении продолжительности жизни, вплоть до достижения бессмертия, и о создании искусственных органов человека, и о многократном увеличении возможностей человека за счет объединения биологического организма с искусственными дополнениями. Все эти трансформации, пусть даже и направленные на улучшение человека и условий его жизни, рождают определенные опасения и тревоги относительно потери человеком своей сущности. Одна из таких тревожных сфер, влияющих на политические процессы, — сфера развития и применения искусственного интеллекта.

Объем научной литературы по теме искусственного интеллекта огромен и продолжает расти. Целый ряд организаций, фондов, корпораций проводят в последние годы исследования, пытаются предугадать, как массовое внедрение искусственного интеллекта повлияет на состояние и развитие общества (The Future Society, 2018).

После изучения обширной литературы можно прийти к выводу о том, что перед человечеством встала масштабная задача трансформации социально-политических, экономических и образовательных систем на принципах комбинирования биологического и искусственного интеллекта. Считается, что именно те страны, которые смогут это сделать быстрее и эффективнее, и станут лидерами XXI в. (Global Civic Debate..., 2018).

Уже известны случаи применения искусственного интеллекта в судебной практике, когда решение выносит не судья, а программа, причем отмечается позитивный эффект от такой новации (Kleinberg et al., 2017). Скорее всего, в самое ближайшее время искусственный интеллект будет применяться почти во всех отраслях и сферах, включая политику. В результате начинаются трансформации структуры общества: в обществе искусственного интеллекта главный экономический конфликт происходит уже не между рабочим и средним классом, а, как выразился однажды нобелевский лауреат по экономике Джозеф Стиглиц, между 1% и 99% населения (Стиглиц, 2015, с. 1–2). Внедрение ис-

кусственного интеллекта неминуемо приводит к тому, что стабильные, хорошо оплачиваемые рабочие места исчезают, причем не только для рабочего класса, но и для высокообразованных специалистов. Такого рода трансформации неминуемо приводят к изменениям в политической сфере, росту радикальных и популистских настроений, протестам против сложных решений и требованиям простых и радикальных мер по защите привычных порядков.

Как показывают исследования, в результате массового внедрения искусственного интеллекта возникает новая социальная организация, в основе которой лежит стирание границ между покупателем, пользователем и гражданином. Границы будут стираться также между частным и публичным, например между частным бизнесом и государственной службой.

Внедрение искусственного интеллекта приведет к реформатированию всех человеческих связей, институтов, моделей взаимодействия, хранения, обработки и передачи информации. Риски несвоевременной перестройки социально-политической модели окажутся катастрофическими. В ходе предельно быстрых изменений архаические элементы общественного устройства будут вытеснены на периферию вместе со странами и обществами, сохраняющими эти порядки.

Подобные прогнозы сами по себе, даже не будучи стопроцентно достоверными, неминуемо влияют на изменения проводимой национальными государствами политики, заставляя последние вступать в соревнование по развитию и внедрению технологий искусственного интеллекта. Не стала исключением и Россия, в которой уже сейчас заметно внимание государства к этим проблемам вплоть до перераспределения ресурсов на развитие указанных технологий, начиная со школьного образования. Однако такие эти усилия пока только технологически готовят граждан к новым трансформациям, тогда как сама политическая модель современного государства остается неизменной. Массовые движения и протесты последних лет даже в самых развитых странах мира показывают, что без изменений в социально-политической сфере будет очень трудно совместить традиционное устройство общества и новые возможности искусственного интеллекта, стремительно, глубоко и надолго входящие в нашу жизнь.

Третий вызов касается изменений, происходящих внутри человеческого сознания и влияющих на групповое поведение индивидов.

Быстрые и порой скачкообразные культурные изменения, происходившие в последние десятилетия, трансформации во взаимоотношениях между людьми, между человечеством и природой, привели к необходимости переосмыслить саму сущность человека и человеческих групп. Это ощущается как на глобальном, так и на локальном уровнях и отражается в научных исследованиях и проводимой государствами политике (Giridharadas, 2018). В целом кризис групповой идентичности — от локальных до национальных идентичностей — представляется одним из важнейших условий жизни современных обществ, и экономически развитых, и периферийных (Terlouw, 2018).

В последние годы наблюдается масштабный рост публикаций, в названии которых встречается слово «идентичность». Это понятие активно входит

в словарь политиков и публицистов. Однако пока нельзя говорить о том, что уже создан достаточный корпус теоретических обобщений, эмпирических исследований и описаний коллективных идентичностей разного уровня, а также принципов их развития и влияния на политическую сферу. Вместе с тем исследователи сходятся в том, что именно идентичности оказывают критическое влияние на уровень доверия в обществе, солидарности в сообществах, поведение в политическом поле.

Вопрос «кто мы?» в контексте изучения национальной идентичности был поставлен Самюэлем Хантингтоном (Хантингтон, 2004), который определяет идентичность как нечто «неотчетливое»; она представляет собой «неявное множество, не поддающееся строгому определению и не подвластное стандартным методам измерения» (Хантингтон, 2004, с. 49). Многозначный термин «идентичность» предстает перед нами в виде концепта, свойства человеческой психики, социальной группы и, конечно, как предмет научной рефлексии. Коллективная или групповая идентичность соединяет в себе индивидуальные характеристики сознания и характеристики группы, не разделяя их, а предлагая рассматривать как комбинацию, порождающую и сами сообщества, и конфликты внутри них и между различными сообществами.

Необходимость более глубокого понимания социальных процессов в национальных государствах делает теории коллективных идентичностей и методы исследования, созданные на их основе, перспективным инструментом для ученого, особенно в эпоху неустойчивой «текучей» современности, разобщенных сообществ и конфликтующих групп. Изучение идентичностей имеет не только теоретическое значение, оно нацелено на решение практических проблем, таких как дальнейшее развитие национальных государств, региональных и местных сообществ, повышение уровня солидаризации, экономическое развитие и использование технологий брендинга, позиционирования в мире.

Острота политических проблем, вызываемых противоречивостью развития коллективных идентичностей — от национального уровня до локального, — привела и к тому, что в 2018 г. вышло сразу несколько значимых исследований, посвященных проблемам идентичности. В целом точки зрения авторов можно подразделить на две группы: 1) идентичность основана на подчеркивании различий и разногласий, а поэтому ее надо преодолевать; особенно это касается разрывов в идентичностях между развитыми странами, представленными в основном западным миром, и остальными странами мира; 2) люди и группы состоят из разногласий — такое положение отличает нас друг от друга и его надо поддерживать и сохранять. Иными словами, в соответствии со второй точкой зрения идентичность и разногласия — естественный ответ на вызовы современности.

Выразителями указанных точек зрения можно назвать двух ученых, книги которых уже вызвали серьезные дискуссии, — это известный американский философ Фрэнсис Фукуяма (Fukuyama, 2018) и Кваме Аппиа (Appiah, 2018), британский социолог ганского происхождения.

Оба исследователя обращают внимание на такие проявления кризиса идентичности в современном мире, как отношение к религиозным ценностям и

к религиям вообще, отношения между глобализмом и патриотизмом, между элитами и массами, различными ценностями и т. д.

Остро ощущая кризисы идентичности на собственном примере, авторы обращаются к теме западной цивилизации. Кваме Аппиа даже предлагает отказаться от данного термина, поскольку, по его мнению, выделение таких существенных характеристик западной цивилизации, как индивидуализм, демократия, свобода, толерантность, во-первых, неправомерно делает их заведомо не универсальными, а во-вторых, игнорирует другие не менее важные характеристики Запада (и позитивные, и негативные), что делает данный термин некорректным.

Позиция Фрэнсиса Фукуямы более сдержанная. В отличие от Кваме Аппиа, видящего в идентичностях опасности и призывающего преодолевать разделяющие нас идентичности, американский философ рассматривает групповые идентичности как механизм адаптации человека к современному миру. Отмечая рост неудовлетворенности людей, особенно контрастирующей с запросами на уважение их человеческого достоинства, Фукуяма приводит впечатляющий список проблем, которые уже пережило человечество: глобализация, Интернет, автоматизация, массовая миграция, рост Индии и Китая, финансовый кризис 2008 г., гендерные проблемы, движения за гражданские права и освобождение других групп, потеря статуса белых людей и т. д. Мир, безусловно, стал лучше для сотен миллионов, но Фукуяма напоминает нам, что в большей части стран Запада люди страдают от потери ориентации в этом мире.

На фоне этих изменений, как отмечает Фукуяма, политика идентичности, т. е. аккуратное и эффективное политическое управление ценностями и возникающими противоречиями, выходит на первый план. Происходят значимые изменения традиционного политического спектра: левые и правые меняются местами, ориентиры, которые служили точками опоры для простых людей, больше не работают, это приводит к росту популистских предложений на политическом рынке, игнорирующих традиционные политические ценности и предлагающих простые и зачастую радикальные решения.

Главное предположение Фукуямы в чем-то соприкасается с тезисом Инглхарта, о котором мы говорили выше: наступила эпоха, в которую локомотивом развития общества становится не материальный интерес, а чувство обиды и уязвления собственного достоинства. Именно этот двигатель обуславливает развитие всех обществ, включая самые демократические и самые авторитарные.

Фукуяма, в отличие от Кваме Аппиа, настаивает на возможностях национального государства обеспечивать стабильное развитие общества, однако это возможно только при проведении понятной и открытой политики идентичности.

Наш нынешний мир, отмечает Фукуяма, одновременно движется к противоположным берегам гиперцентрализации и бесконечной фрагментации. Например, Китай строит огромную диктатуру, в которой правительство собирает данные о ежедневных операциях каждого из своих граждан, использует технологии больших данных и систему социального кредитования для контроля над населением. Вместе с тем в разных частях мира наблюдается распад центра-

лизованных институтов, возникновение несостоявшихся государств, поляризация и растущее отсутствие консенсуса по общим целям. Социальные медиа и Интернет способствуют возникновению автономных сообществ, создаваемых верой в общую идентичность.

В центре идентичности стоит социальная память, воздействуя на которую современными методами можно изменить мнения и позиции целых народов. Именно отсюда рождается термин «войны памяти», под которым понимаются конфликты в интерпретации уже прошедших исторических событий. В основе подобных конфликтов лежат прежде всего интересы доминирующих групп, чаще всего государств. Именно государственные и поддерживаемые государствами структуры вступают в такие конфликты и втягивают в них свои нации и сообщества. Конфликты социальной памяти и кризисы идентичности, свойственные современным людям, становятся очень удобным инструментом для использования недобросовестными политиками, включая самых радикальных.

Политическая практика показывает, что кризисы идентичностей, свойственные современному человеку и фиксируемые целым рядом современных исследований, лежат в основе многих политических массовых движений и предложений на политическом рынке, предопределяя рост популизма и радикализма (Ачкасов, 2017). Это, в свою очередь, порождает запрос на изучение и понимание закономерностей развития идентичностей.

Исследователям, обращающимся к изучению современных кризисов идентичностей, приходится решать ряд общих взаимосвязанных проблем, раскалывающих исследовательское поле. Одна из важнейших проблем — соотношение «естественности» и «конструируемости» коллективной идентичности, которая, с одной стороны, является стихийным процессом изменений в мышлении и мировоззрении членов сообщества, детерминированных прошлым (*past path dependency*), а с другой — может быть управляемым процессом и результатом конструирования смыслов и ценностей.

Кроме того, в исследованиях идентичностей с точки зрения политической науки пока довольно велика область неопределенности, связанная с несовершенством методологического вооружения ученых. На наш взгляд, это касается прежде всего отсутствия эффективных инструментов: а) для измерения локальных идентичностей и их параметров; б) сравнения локальных идентичностей; в) прогнозирования развития локальных идентичностей. Такое положение характеризует не столько слабость методологического оснащения, сколько сложность самого объекта, который неудержимо изменяется и развивается в разнообразных направлениях и с разной скоростью. Вторжение исследователя в эту хрупкую и весьма чувствительную область существенно влияет на ситуацию. Иными словами, проблема влияния исследователя на объект своего исследования в случае с идентичностью остра как никогда.

С точки зрения политической науки процессы развития групповой идентичности и связанные с ними процессы борьбы за распределение ценностей и символов в обществе являются политическими процессами. По сути, это и есть настоящая политика, часто незаметная и замещенная действиями и словами лиц, считающихся политиками. Таким образом, поиски идентичности и связанные с ними кризисы

идентичности неминуемо и тесно переплетены с проблемами распределения власти в обществе, с процессами властных номинаций и перераспределения материальных и нематериальных ресурсов между различными группами общества.

В связи со сказанным для исследования кризиса идентичности представляется перспективным подход Бруно Латура, предложившего несколько лет назад провести «пересборку социального», чтобы вырваться из сложившихся исследовательских практик и процедур, мешающих увидеть реальность (Латур, 2014). В исследовательской программе Латура по пересмотру подходов к изучению социальных групп можно выделить несколько положений.

Во-первых, чтобы очертить группу, нужно обнаружить ее представителей, говорящих от имени группы. Латур обращает внимание на то, что «группы — не безмолвные объекты, а временное порождение постоянного гула, создаваемого миллионами голосов, спорящих о том, что это за группа и кто к какой группе принадлежит» (Латур, 2014, с. 48).

Во-вторых, для установления границ любой группы необходима постоянная разметка «социального контекста» и формирование перечня «антигрупп». При этом, как замечает Латур, очерчивание границ групп — не только одно из занятий социологов, но и постоянная задача самих акторов: именно акторы творят социологию для социологов.

В-третьих (и это самое главное), Латур утверждает, что групп нет — есть только группообразования, т. е. процессы постоянного образования групп, причем главный элемент в этом процессе — действия. Только действия и создают группы. Только акторы и являются организаторами групп.

С этой точки зрения проблемы кризиса идентичности как политического вызова можно разделить на три кластера.

Первый кластер связан со своеобразной и неоднозначной вертикальной и горизонтальной интерференцией коллективных идентичностей. Национальная идентичность вмещает в себя и различные региональные идентичности, и локальные идентичности, которые, развиваясь с разной скоростью и в разных направлениях, взаимодействуя друг с другом, заявляют о себе и создают напряжения и противоречия. Часть проблем связана также с доминирующей идентичностью и с проблемами ее формирования в конкурентной среде других идентичностей. Идентичность, воспринимаемая как судьба, требует от ее носителей гораздо больше, чем идентичность, понимаемая как удобная опция, при этом индивиды предъявляют гораздо больше требований к такой идентичности (Ширманов, 2016; Евстифеев, 2016).

Второй кластер включает в себя проблемы уникальных ценностей, коллективной памяти и коллективного прошлого, которые неминуемо затрагиваются при выделении группы из внешнего мира и отделении от других групп (Попова, 2017; Истомин, Лебедев, 2015).

Третий кластер касается проблем оценки и учета ценностей и интересов самых разных групп общества, причем с активным созидательным и сознательным участием самих членов групп как главным условием группообразования в конкурентной среде публичной политики, формирования солидарности и роста доверия в сообществах (Евстифеев и др., 2016; Задорин и др., 2016).

Административные возможности в формировании идентичностей ограничены. В российской практике порядок, основанный на административной поддержке групповых коллективных представлений и ритуалов, вступает в конкурентное взаимодействие с напряжениями коллективных идентификаций, одновременно пытающихся соответствовать, с одной стороны, уровню развития российской социально-экономической модели, а с другой — выборочным характеристикам моделей развитых стран, неминуемо проникающих сквозь несуществующие культурные границы и занимающих свое место в системе идентификационных опций. Результатом подобного усиливающегося конкурентного взаимодействия может стать только рост напряженности и актуализации кризиса идентичности.

Ответом на вызов кризиса идентичностей может быть использование возможностей мягкого конструирования ценностей идентичности и социальной памяти в рамках политики идентичности.

Такая политика идентичности, направленная на формирование национальной идентичности, включающей целый спектр региональных и локальных идентичностей, — сложный и противоречивый процесс, связанный с обретением нацией субъектности, причем субъектности гражданской и политической. Самоидентификация и обретение различных идентичностей, конструируемых доминирующими группами, в данной ситуации будут вести к осознанию субъектности разнообразных групп и, возможно, к новым рискам и конфликтам в борьбе за ценности. Тем не менее признание кризисов идентичности в качестве актуального политического вызова, изучение и понимание возникающих конфликтов, поиски позитивных путей выхода из них позволяют совместить глобальную оптику с интересами национального государства, конкретного человека и небольших локальных групп.

Литература

Ачкасов В. А. «Популизм идентичности» в современной Европе // Политика постправды в современном мире: сб. мат-лов по итогам Всерос. науч. конф. с междунар. участием / под ред. О. В. Поповой. СПб.: Скифия-принт, 2017. С. 12–15.

Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М.: Политздат, 1988. 271 с.

Евстифеев Р. В. После глобализации? Политико-административные преобразования в России в XXI веке. Владимир: Владимирский филиал РАГС, 2011. 228 с.

Евстифеев Р. В. Локальная идентичность: символическая политика и несимволические практики // Философские науки. 2016. № 1. С. 88–95.

Евстифеев Р. В., Задорин И. В., Крупкин П. Л., Лебедев С. Д. Городские локальные идентичности и потенциал политической солидаризации // Символическая политика: сб. науч. тр. Вып. 4: Социальное конструирование пространства. М.: ИНИОН РАН, 2016. С. 245–258.

Задорин И. В., Евстифеев Р. В., Крупкин П. Л., Лебедев С. Д., Шубина Л. В. Городские локальные идентичности как основа формирования устойчивых местных сообществ. Исследование общегородских идентичностей жителей Владимира, Смоленска, Ярославля. М.: Исследовательская группа ЦИРКОН, 2016. 120 с.

Инглахрт Р. Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это изменяет мир. М.: Мысль, 2018. 347 с.

Истомин А. Г., Лебедев С. Д. Локальная идентичность жителей горда Белгорода (по материалам качественного исследования) // Научный результат. Сер. «Социология и управление». 2015. № 2. С. 13–21.

Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.

Попова О. В. Политика идентичности: отношение петербуржцев к праздничным мероприятиям в городе // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2017. Т. 13, № 4. С. 37–48.

Стиглиц Дж. Великое разделение. Неравенство в обществе, или Что делать оставшимся 99% населения? М.: ЭКСМО, 2016. 586 с.

Тойнби А. Постыжение истории. М.: Прогресс, 1991. 736 с.

Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ, 2004. 635 с.

Ширманов Е. В. Общероссийская и региональная идентичности в современной России: политический анализ (на примере Республики Мордовия): дис. ... канд. полит. наук. Саранск, 2016. 179 с.

Fukuyama F. Identity. The Demand for Dignity and the Politics of Resentment. Farrar, Straus & Giroux, 2018. 218 p.

Giridharadas A. What Is Identity? // The New York Times. 27.08.2018. URL: <https://www.nytimes.com/2018/08/27/books/review/francis-fukuyama-identity-kwame-anthony-appiah-the-lies-that-bind.html> (дата обращения: 01.12.2018).

Global Civic Debate on Governing the Rise of Artificial Intelligence. Report 2018 // The Future Society. 2018. URL: http://thefuturesociety.org/wp-content/uploads/2019/02/TFS_GCD_Report_21Sept.pdf (дата обращения: 01.12.2018).

Kleinberg J., Lakkaraju H., Leskovec J., Ludwig J., Mullainathan S. Human decisions and machine predictions // National Bureau of Economic Research, February 2017. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5947971/> (дата обращения: 01.12.2018).

Appiah K. The Lies that Bind. Rethinking Identity. Liveright, 2018. 256 p.

Trajectories of the Earth System in the Anthropocene // Proceedings of the National Academy of Sciences. August 14, 2018. Vol. 115, no. 33. P.8252–8259.

Terlouw K. Local Identities and Politics: Negotiating the Old and the New. Routledge, 2018. 140 p.

The Future Society, 2018. URL: <http://www.thefuturesociety.org> (дата обращения: 01.12.2018).

Евстифеев Роман Владимирович — д-р полит. наук; roman_66@list.ru

Статья поступила в редакцию: 1 декабря 2018 г.;

рекомендована в печать: 14 декабря 2018 г.

Для цитирования: *Евстифеев Р. В.* Кризис идентичности как политический вызов XXI века: теоретические подходы к изучению, оценкам и пониманию // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2019. Т. 15, № 1. С. 108–121. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.108>

IDENTITY CRISIS AS A POLITICAL CHALLENGE OF THE 21ST CENTURY: THEORETICAL APPROACHES TO RESEARCH, EVALUATING, AND UNDERSTANDING

Roman V. Evstifeev

Vladimir branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,

59a, ul. Gorkogo, Vladimir, 600017, Russia; roman_66@list.ru

The article presents an overview of the latest challenges to sustainable political development highlighted in contemporary research. Among these challenges is the advent of the Anthropocene epoch, with transhumanism, including the large-scale development of artificial intelligence, and the crisis of group identities. Rapid and sometimes abrupt cultural changes that have occurred in the recent decades, transformations in the relations between people, between humanity and nature, are leading to the manifestation of a crisis of group identity, ranging from local to national identities. As a result of analyzing academic publications, the author concludes that in recent

years there has been a large-scale growth in works on identity issues, the concept of identity being increasingly common in the political vocabulary. The article identifies two points of view on identity: the first one posits the fact that identity is based on differences and disagreements that need to be overcome, while the second one insists that differences should be maintained and preserved. The author justifies the idea that the response to the identity crisis may be to use the possibilities of “soft” constructing identity values and social memory within the framework of identity policies aimed at shaping national identity, which includes a range of regional and local identities. Such an answer is a complex and controversial process associated with the acquisition of the nation’s subjectivity. Self-identification and the acquisition of various identities constructed by dominant groups lead to an awareness of the subjectivity of diverse groups and to new risks and conflicts in the struggle for values. Nevertheless, the recognition of identity crises as an urgent political challenge, the study and understanding of emerging conflicts, and the search for positive ways out of them make it possible to combine global optics with the interests of the nation state, the individual and small local groups.

Keywords: Anthropocene, artificial intelligence, identity, groups, values, identity politics, political movements.

References

Achkasov V.A. “Populizm identichnosti” v sovremennoi Evrope [The policy of post truth in the modern world. Collection of materials on the results of the All-Russian scientific conference with international participation]. *Politika postpravdy v sovremennom mire: sb. mat-lov po itogam Vseross. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem*. Ed. by O. V. Popova. St. Petersburg, Skifia-print Publ., 2017, pp. 12–15. (In Russian)

Appiah K. *The Lies that Bind. Rethinking Identity*. Liveright, 2018. 256 p.

Evstifeev R. V. *Posle globalizatsii? Politiko-administrativnye preobrazovaniia v Rossii v XXI veke. [After globalization? Political and administrative transformations in Russia in the XXI century]*. Vladimirskii filial RAGS Publ., 2011. 228 p. (In Russian)

Evstifeev R. V. Lokal’naia identichnost’: simvolicheskaia politika i nesimvolicheskie praktiki [Urban Local Identities and the Potential of Political Solidarity]. *Filosofskie nauki*, 2016, no. 1, pp. 88–95. (In Russian)

Evstifeev R. V., Zadorin I. V., Krupkin P. L., Lebedev S. D. Gorodskie lokal’nye identichnosti i potentsial politicheskoi solidarizatsii [City Local Identities and the Potential of Political Solidarity]. *Simvolicheskaia politika: sb. nauch. tr., iss. 4: Sotsial’noe konstruirovaniie prostranstva*. Moscow, INION RAN Publ, 2016, pp. 245–258. (In Russian)

Fukuyama F. *Identity. The Demand for Dignity and the Politics of Resentment*. Farrar, Straus & Giroux, 2018. 218 p.

Gorbachev M. S. *Perestroika i novoe myshlenie dlia nashei strany i dlia vsego mira [Perestroika: New thinking for our country and for the world]*. Moscow, Politzdat Publ., 1988. 271 p. (In Russian)

Giridharadas A. What Is Identity? *The New York Times*, 27.08.2018. Available at: <https://www.nytimes.com/2018/08/27/books/review/francis-fukuyama-identity-kwame-anthony-appiah-the-lies-that-bind.html> (accessed: 01.12.2018).

Global Civic Debate on Governing the Rise of Artificial Intelligence. Report 2018. *The Future Society. 2018*. Available at: http://thefuturesociety.org/wp-content/uploads/2019/02/TFS_GCD_Report_21Sept.pdf (accessed: 01.12.2018).

Inglakhr R. *Kul’turnaia evoliutsiia. Kak izmeniaetsia chelovecheskie motivatsii i kak eto izmeniaet mir [Cultural Evolution: People’s Motivations are Changing, and Reshaping the World]*. Moscow, Mysl’ Publ., 2018. 347 p. (In Russian)

Istomin A. G., Lebedev S. D. Lokal’naia identichnost’ zhitel’ei gorda Belgoroda (po materialam kachestvennogo issledovaniia) [Local identity of residents of the city of Belgorod (based on qualitative research materials)]. *Nauchnyi rezul’tat. Ser. “Sotsiologiia i upravlenie”*, 2015, no. 2, pp. 13–21. (In Russian)

Khantington S. *Kto my?: Vyzovy amerikanskoj natsional'noi identichnosti [Who we are?: Challenges of American national identity]*. Moscow, AST Publ., 2004. 635 p. (In Russian)

Kleinberg J., Lakkaraju H., Leskovec J., Ludwig J., Mullainathan S. Human decisions and machine predictions. *National Bureau of Economic Research, February 2017*. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5947971/> (accessed: 01.12.2018).

Latur B. *Peresborka sotsial'nogo. Vvedenie v aktorno-setevuiu teoriiu [The reassembling of the social. Introduction to the actor-network theory]*. Moscow, Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki Publ., 2014. 384 p. (In Russian)

Popova O. V. Politika identichnosti: otnoshenie peterburzhtsev k prazdnichnym meropriiatiiam v gorode [Identity policy: An attitude of St. Petersburg citizens to festive events in the city]. *Political Expertise: POLITEX*. 2017, vol. 13, no. 4, pp. 37–48. (In Russian)

Shirmanov E. V. *Obshcherossiiskaia i regional'naia identichnosti v sovremennoi Rossii: politicheskii analiz (na primere Respubliki Mordoviia) [Russian and regional identities in modern Russia: political analysis (on the example of the Republic of Mordovia)]*. PhD Thesis in Political Sciences. Saransk, 2016. 179 p. (In Russian)

Stiglits J. *Velikoye razdeleniye. Neravenstvo v obshchestve, ili Chto delat' ostavshimsya 99% naseleniya? [The Great Divide: Unequal Societies and What We Can Do About Them]*. Moscow, EKSMO Publ., 2016. 586 p. (In Russian)

Toinbi A. *Postizhenie istorii [Study of History]*. Moscow, Progress Publ., 1991. 736 p. (In Russian)

Trajectories of the Earth System in the Anthropocene. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. August 14, 2018, vol. 115, no. 33, pp. 8252–8259.

Terlouw K. *Local Identities and Politics: Negotiating the Old and the New*. Routledge, 2018. 140 p.

The Future Society, 2018. Available at: <http://www.thefuturesociety.org> (accessed: 01.12.2018).

Zadorin I. V., Evstifeev R. V., Krupkin P. L., Lebedev S. D., Shubina L. V. *Gorodskie lokal'nye identichnosti kak osnova formirovaniia ustoichivyykh mestnykh soobshchestv. Issledovanie obshchegorodskikh identichnostei zhitelei Vladimira, Smolenska, Iaroslavl'ia [Urban local identities as the basis for the formation of sustainable local communities. Study of city identities of the inhabitants of Vladimir, Smolensk, Yaroslavl]*. Moscow, Issledovatel'skaia gruppa TsIRKON Publ., 2016. 120 p. (In Russian)

Received: December 1, 2018

Accepted: December 14, 2018

For citation: Evstifeev R. V. Identity Crisis as a Political Challenge of the 21st Century: Theoretical Approaches to Research, Evaluating, and Understanding. *Political Expertise: POLITEX*, 2015, vol. 14, no. 1, pp. 108–121. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.108> (In Russian)